

Мария Степанова Старый мир.

Починка жизни

Ямку выроешь ляжешь в землю лицом
Скажешь туда люблю сразу прикрой
Его ладонью держи в тепле
Жди толкнется гриб белый ложный

23.

Река стояла безлюдная
Безветренная безводная
Голый указатель движения
И не туда, а куда-то

24.

Спрятались от дождя под камнем.
Мир закрылся на просушку.
Выползай, товарищ мой безглазый,
Может, не про нас его колеса
Сегодня

Мария Степанова

Старый мир. Починка жизни

«Новое издательство»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Степанова М. М.

Старый мир. Починка жизни / М. М. Степанова — «Новое
издательство», 2020

ISBN 978-5-98379-243-2

Мария Степанова родилась в 1972 году в Москве. Автор двенадцати поэтических книг, включая книги избранных стихотворений «Стихи и проза в одном томе» (2010) и «Против лирики» (2017), трех сборников эссе – «Один, не один, не я» (2014), «Три статьи по поводу» (2015), «Против нелюбви» (2018) – и романа «Памяти памяти» (2017).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98379-243-2

© Степанова М. М., 2020
© Новое издательство, 2020

Содержание

Тело возвращается	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мария Степанова

Старый мир. Починка жизни

Тело возвращается

Z

Комнату надо очистить / пространство надо прибрать

Y

Так говорит поэзия, живущая в Канаде, в женском
теле, по-английски
Так она говорит: once cleared the room writes itself

X

Что делать дальше,
Комната вычищена до блеска,
Прибрана до кости, до костного мозга, должна
написать себя, никто никому не пишет

W

Где они, где мужчины, подобные Арю,
Поднимавшие стропила, не вмещавшиеся во врата,
Где их костный мозг, сладостные конечности, где их
зубы и языки,
На какие элементы они разложились

V

Глубоко под землей, в ее огородной клетке
Клетки продолжают делать новые клетки
Исходят яблочной пеной, когда земля собирает свой

урожай

Подземными реками шарят в поисках устья
То, что было семенем, пробует себя семенами

U

Вечную мерзлоту обдаёт весна,
Как струя горячей мочи
Плавит лёд,
Подо льдом будоражит буквы, жёлтые и зелёные,
И вот, когда слепощарые ветки водят по свету,
Поэзия, говорившая по-датски, лежащая под землёй,
женская.

T

Мертвая, как многие, почему-то живая,
Карамелькой она плавится за холодной щекой
глинозёма,
И прав у нее не больше, чем у тех, кто лежит под
другим кустом,
Кто все, что помнит, – это свое отраженье
В плоском лице медной военной фляги.
Слух истек,
Им нечего больше слышать.

S

Там, где было ухо, теперь земля,
Обнимающая место не-слуха.
Там, где было рот, теперь усилье корней
Стать истоком роста.
Мертвая поэзия говорит, она говорит:
«Я пишу, как ветер».
Она/они/другие они/многие до и после
Лежат, ветра там нет, что там есть, почему им ветер.

R

Разрой мерзлую землю, потрогай мертвую песню.

«Под низким небом», – говорит еще одна,
Жившая в той же Канаде, лежащая в чьей-то земле, —

С сентября 1922 года зерно ее тела
Принесло, наверное, много плода: «Под низким небом
Я видела тысячу марширующих Иисусов».

Что они делали, спрашиваем мы, стоящие на обочине.
Они маршировали. Они пели.

Q

Зимой 1918 года в Петрограде
Поэзия перестает слышать что-нибудь кроме
Постоянного шума:
Ритмического нарастающего гула,
И если выглянуть в окошко
(поля продлеваются, в них лежат и лежат и лежат,
затылки запрокинуты,
языки застыли)

Мы увидим, метель, как тюлевая занавеска,
Делает знак: в комнате стало достаточно чисто.

Р

И тогда,

И когда приноравливаешься к отсутствию цвета,
И к пиксельному мельканию вещества,
И к ружейным выстрелам, доносящимся
с перекрестков,

Где до событий торговали газетами,
И каждый пятый цветок отдавали бесплатно,
Смазывая товарно-денежные отношения
Молоком человеческой нежности,
Еще не имевшим цвета,

Приглядевшись, мужчина с его поэзией видят ясно:
Здесь присутствует Кто.

О

Как если бы ветер (*я пишу, как ветер*)

Отрицал человеческое участие

Как если бы комната была выскоблена до кости:

И что осталось после зачистки?

Как если бы ухо мира,

Его огромная воронка, описанная по-русски в 1837-м,

По смерти Пушкина, написано непушкиным,

Ловило и передавало одно и то же.

Вот Блок и говорит, как Матушка Гусыня,

Что в белом венчике из роз впереди Иисус Христос.

Так и было.

Но кто поверит гусям.

Н

Лежат, расстрелянные, в оврагах, полных звезд

и черемухи

Лежат в болотах, подобные стеблям, подобные рыбам

в консервных банках

Лежат под берегами, под озерами, под автобанами,

Под пастбищами для коров свободного выпаса,

Под ногами овец, охотно дичающих,

Умеющих быть без участия человека

Лежат под многоярусными парковками,

Под взлетными полосами аэропортов,

Где тонкий лед сцепляет пальцы травы

Где синие огни расставлены разумно

Где мощные вещи летают без наших рук

Где мое тело, говорит средний слой земли,

Ее средний класс: мертвый, не успевший родиться.

М

Я сказал, говорит поэзия, и знает, что говорит:
Я сказал – вы боги, и сыны Всевышнего все вы,
Вы же падаете, как дураки,
Как обычные князья и полководцы
(политики и аристократы,
а также представители крупной буржуазии),
Как обычные смертные люди,
Словно нету ничего проще
Паденья и развоплощенья.
Вы все время умираете,
Словно это нормальное дело.
Не пора ли взять себя в руки?
Не сделать ли усилие,
Говорит поэзия из-под земли, дыша в камышинку.

L

Давай соберем это тело заново
(ножки в Медведково, попка в Чертаново).

Вечный огонь горит, пожирая павших,
Неучтенных, ненайденных и пропавших.

Не отдавай ему эти клетки, клеточки,
Нервные окончания, капиллярные сеточки,

Ребристое нёбо, пух паха и прах пуха,
Нежные перегородки ума и слуха:
Как мы с тобой соберем их на страшный суд?
Кости твои не знали, что их спасут.

Мешочки с семенем, всё, что тело съело,
Железо, за век ставшее частью тела,

Части тела другого тела, лежащего здесь
с прошлого века,

Вместе они составляют нового,
Еще не существовавшего человека.

K

Поэзия, многоглазое нелепое
Естество о многих ртах,
Находящееся одновременно во многих телах,

Побывала до этого во многих других телах,
Ныне лежащих *на сохранении*,
Как то, что должно родиться.

(Но в любой момент археологическая экспедиция,
любопытный пастух,
дюжина студентов в шортах
могут вынуть тебя из земли
как недоношенного младенца
и будут засовывать пальцы тебе в обеззубленный рот)

Судя по количеству фосфора в этих костях,
Поэзия, говорившая по-английски, съела
немало рыбы.

Ж

Говорили, и даже одна выпускница богословского
института
Подтверждала, цитируя чей-то докторский тезис:

Мы будем воскресать тридцатитрехлетними,
Даже те, кто умер в семьдесят или в девять.

Тело воскресенья будет уметь, Как положено телу:
Есть и пить что захочет,
Пешешествовать на многие стадины,
Носить на себе одежду, раны, слезы,
Оно будет ходить по воде и растворяться в воздухе,
Оставаться неузнанным и делаться узнанным,
Походить на садовника,
На странника,
На себя и на кого-то другого,
Жарить рыбу на костре и друзей угощать,
Возноситься на небеса и садиться одесную Отца,
Как положено сыну.

И

Лежа на том столе
Я слушаю звук пылесоса на этаже
Я чувствую ветер над окраиной тела.

И все, что во мне было, стоит как армия
На самой границе с воздухом,

Словно мы еще можем начать и проиграть войну.

Быстро и очень медленно,
Как умная собака сперва наклоняет голову,
Потом понимает, потом побежит к тебе,

Душа проверяет свою коробочку:
То свернется внутри, где труха и усталый бархат,
То гладит сверху кожаные крышки.
Се, под тучей синей и бурой, роскошно хмурой,
Тебя составляют заново.
Там, как рыбу торговка,

Перебирают кости твои и мышцу твою
Дорогие руки врача
И ты лежишь не крича.

Н

В той английской книге
Женщине, измученной родами,
Готовой выскользнуть в смерть как в калитку,
Другая женщина рекомендует быть мужественной,
Все, что надо, говорит она, это сделать усилие.
Она говорит о ней в третьем лице,
Как о героине романа,
Которой та могла бы явиться,
Если бы сделала усилие,
Не убежала, рук не разжала,
Не доказала слабость своей природы;
Мы все должны делать усилие, объясняет она
снисходительно.

На нас лежит ответственность: сделать усилие.
Негероиня делает немужественное усилие:
Истекает
(подземной водой в решето)
Прилагается к мертвым
Замощает собственным телом
Место между мертвыми белыми мужчинами

Г

Разрой мерзлую землю,
Потрогай мертвую песню.
Раздвинь ее меловые губы,

Потрогай пальцем
Твердые клубни зубов.

В одном из темных, из подземных коридоров
Внимательная девочка находит
Чему там находиться не положено:
Оно огромное, его не обойти,
Оно заполнило все место для дыхания,

И для того, чтобы пройти по коридору
(бегом, зажмурившись)
Теперь приходится протискиваться боком:
Там чье-то тело, тело все пространство съело,
Оно замерзло, умерло, ничье.

Крылья тесно поджаты,
Клюв и ножки прижаты,
Клеклый пух, закрытые веки,
Поцелуй в слюдяные перья:
Верую, ласточка, помоги моему неверью.

*И вдруг она услышала, что в груди у ласточки
что-то мерно застучало:
«Стук! Стук!» – сначала тихо, а потом громче
и громче.
Это забилося сердце ласточки.
Ласточка была не мертвая – она только окоченела
от холода,
а теперь согрелась и ожила.*

Ф

Нет,
Не то, чем грешат,
А то, чем зеленеют и раскудрявливаются.

Нет, не то, что костенеет,
А то, что водит по воле воздуха
Голыми ветками по его голубой воде.

Когда я буду усталое щетинистое насекомое —
И тогда умирать будет жалко:
Хорошо гулять в молоке.

Молодые солдатики
В широченных штанинах
Живут как стволы на весенней улице.

Что ты такой воскресший?
Да так, брат, – отвечает, —
Так как-то всё.

Тела поэзии, вы валяетесь тут и там,
Как отстрелянные пластиковые гильзы,
Не умеющие разлагаться.

Умрешь, с собой не возьмешь.
Воскреснешь, по шву не треснешь.
Вылетит, не поймаешь.

Е

Как говорится,
Слово – не Воробей.

Не пять ли малых птиц
(синичек воробышек прочих ласточек) —

Не пять ли малых птиц
Купили за два гроба?
Вы обошлись дороже.
Вы лучше многих птиц.

А весна такая мусорная, жиденькая,
Словно медсестричка в тапочках на босу
Из операционной выскочила
В больничный дворик покурить.

Он мне сказал:
Лазарь, давай уходи оттуда,
И где застряло жало —
Я его выну,
И если там какой еще засел осколок,
Его мы тоже разъясим.
И это, красное, все это *red and wet*,
Вся эта *thing*, какую не назвать словами,
Уже четыре дни как в трупной яме, —
Оно усиливается и встало и идет.

Д

Он сказал мне: Лазарь, иди сюда.

Он ввел меня в дом пира.
Его знамя надо мною любовь.

И левая рука под моей головою,
И правая рука меня обнимает,
И еще одна какая-то рука
Лежит, как всегда, у меня на макушке.

Ты держишь мою голову с уважением,
Словно корзину с праздничным содержанием,
Выстеленную пальмовыми ветвями,
Доверху набитую шоколадными яйцами,
Фигами и финиками, сладкими перепелками,
Полную колбасными пальчиками.

Ты держишь мою голову, как корзинку,
Украшенную бантиками,
Переложенную веточками,
Как симпатичную пасхальную корзинку,
В которой лежит моя голова.

Береги ее бережно, неси тихо:
Сквозь кость, как вода, пробегает лик.

Можно ее положить в мешок.
Можно ее посадить в горшок.
Вырастить базилик.

С

Римлянка с бурей пшеничных волос,
Грубо собранных в груды,
Сидевшая у круглого фонтана,
Кому-то в телефон отвечая.
Мужчина в кожаной куртке
На темном кожаном теле,
Делавший зарисовки в тетради

Грифелем карминного цвета.
Мальчик в Саратове. Старуха у кассы.
Продавец светящихся пластмассовых летающих
машин.

Я хочу быть каждым из этих людей.
Я хочу спать с каждым из этих людей.

Входить в их дома как воздух,

Входить в их тела, как восточный ветер,
Трогать языком их круглые зерна
Мочки ушей
Голубые белки
Белую шерсть от запястья до локтя

Сонную тень от пупка до паха
Ребра, ключицы, лопатки

Синяя ткань рабочего комбинезона
Черное платье в мелкий белый горошек

Все это неминуемо воскреснет.

Все это неминуемо минует.

В

Рука, похороненная на Марне.
Рука, похороненная под Нарвой.
Рука, лежащая в галицийских болотах.
Пепел руки, не лежащей нигде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.